

Виталий Молчанов

СВЕТЪ

Виталий Молчанов

СВЕТЪ

стихотворения

Москва
2018

УДК
ББК

Рассказать историю

Книга издана при поддержке
Министерства культуры РФ и Союза российских писателей

Молчанов В.М.

С 56 **СВЕТЪ.** Стихотворения / Виталий Молчанов — М.: ИПО
«У Никитских ворот», 2018. — 80 с.

ISBN 978-5-91366___

Аннотация.

Э то было всегда. Это будет, несмотря на Интернет и умопомрачительные гаджеты, на информационные потоки, лавины и сели, обрушивающиеся на головы современников, на телевизионные истерики ток-шоу и чудовищное хладнокровие новостей. Это будет всегда: желание услышать историю – из прошлого ли, настоящего ли, будущего – так, как будто происходит она здесь и сейчас и требует для себя живого сочувствия. Слушая её, ты вдруг непостижимо ощущаешь себя живым и настоящим, и всю глубину времени в себе, в своей крови – чувствуешь абсолютно реально, как будто только так могло и может быть.

© Молчанов В.М., 2018
© Ягодинцева Н., 2018
© Оформление ИПО «У Никитских ворот», 2017

Рассказчиков ценят именно за это. История сохранила факт, что издавна на Урале, в котле народов, в междоусобных схватках, среди попавших в плен к чужакам у хорошего рассказчика было больше шансов выжить, потому что долгими зимними вечерами он уводил за собой слушателей то в быль, то в сказку. Где что когда услышал – заплетал он в причудливый сюжет, непременно с «переживательными» подробностями, памятными приговорами. Плясал огонь в очаге, таили дыхание слушатели, и всё многоцветное узорочье жизни, и суровая школа её, и промысел Божий в судьбах становились понятнее, ближе, постижимее.

Прошли века, накопились библиотеки, размножились сайты – но в человеке-то ничего не изменилось. И, открывая книгу, буквально с первых страниц понимаешь: вот он, рассказчик – азартный, увлечённый, ради красного словца ничего не жалеющий, любящий жизнь и живущий поэтически азартно, знающий свою силу и умеющий «показать товар лицом»:

*Весна-дворняга солнечным оскалом
Зиме грозила: «Береги бока!».
Пригожий лик под ледяным забралом
Таить устала стольная река,
И лопнула морозная тесёмка.
Шлем по теченью сбросив за спиной,
Приподнялась Москва. С утра позёмка
Котлы проталин сдобрила крупной...
<...>*

*Материя разложена по штукам,
Бери любую – не жадись, плати.
Моченья и соленья, связки лука,
Бочонки мёда, пирогов ломти...*

*Глаз маслится от снеди избыльной!
Весна-дворняга, изойдя слюной,
На жарких лапах кралась мимо мыльни
С окошками из плёнки слюдяной.*

Живая речь, соединяющая в целое рассказываемой истории самые разные пласты – исторические, культурные, не брезгующая, а порой буквально блистающая просторечиями, перехлёстывающая за условности поэтической формы – что может быть увлекательнее для благодарного слушателя? Ведь тут вам не простак-балагур, а философ, выбирающий сюжеты со смыслом, превосходящим привычное обыденное разумение. Вот смерть младенца от «родимчика»:

*<...>
Как бисером расшитая дорожка –
Небесный самотканый рушничок,
Чтоб по нему прошли босые ножки,
Не обморозясь, в облачный чертог.
<...>
Не чахнуть внуку в царской каталажке
Не гнить в окопах Первой мировой...
У Марьюшки родился сын в рубашке
И умер в ночь под самый выходной.

Где от полозьев чёрные полоски
Морщинами легли на ровный снег,
Метель морозно-ветряной двухвосткой
С плеча хлестала уходящий век.*

Увидеть и вплести крохотную младенческую судьбу в судьбу гигантской штормовой эпохи – для этого надо быть творцом в чистом, исконном смысле слова,

замахнуться мыслью на таинственный Божий замысел о нас... Это очень по-русски, немногословно, но многоцветно и безмерно.

Вообще Виталий Молчанов – наш, русский рассказчик. Он не будет плести прихотливые восточные орнаменты говорения – даже в «восточных» своих стихах, не стремится вывести прямой однозначный вывод из жизненного сюжета – просто рассказывает, просто даёт уму и сердцу цельную картину мира, не всегда всем понятную логически. В ней ценно другое: вот эти самые связи, соединяющие человека со звёздами, умершего младенца – с грядущим веком, да и сама словесная ткань, в которой все эти соединяющие нити-смыслы вспыхивают мгновенно, в каждой строке:

*Помню, ведомый отцовской рукой, – где та рука –
Шёл я по лестнице вверх винтовой мять облака,
Скатывать в комья ребячьей мечты небо, как снег.
Звёзды свои занимали посты, чуя набег
Тьмы, пожирающей солнечный диск. В эти часы
Вспыхивал факел – сонм пляшущих искр Гыз галасы.*

А если это так – становятся понятными и пристрастность поэта к историческим, фольклорным, библейским сюжетам – сюжетам на все времена, и необычайная плотность стиха, когда привычная для современника ритмическая сетка гудит и качается под тяжестью плотных метафор:

*Встретилась мне у подъезда тоска в рваном ботинке.
К сахарной пудре седого виска липли снежинки,
Белыми мухами лезли под плащ эры застоя.
Мёртвый поэт был согбен и дрожащ, взгляд беспокоен.
Мерно качался фонарь на столбе, ветром влекомый,*

*Словно адепт в непрерывной божбе. – Выйти из комы
Ты не сумел, хоронили тебя с миру по нитке,
Как и сейчас, в первый день декабря –
снежный и липкий.*

*Лезвием в небо нацелен был нос, в пальцах – иконки,
Пением батюшка – бывший матрос – рвал перепонки.
Комья ронялись на гроб тяжело в паре морозном,
Сверху ткачиха швыряла назло зимнее кросно,
Видно решила земле сгношить кипенный саван.
Мать причитала: «Эх, бросил бы пить горькую
сам он».*

*После поминок родне и гостям выдала ложки,
Нам же – по книжке, как старым друзьям,
в мягкой обложке,
Чтобы читали твои стихири денно и ночью.
Книжку забросил я... Брат, извини, если возможно.*

И кто же поставит в вину рассказчику его упоение речью и сюжетом, его вживание в чужие судьбы – и виденье сквозь них судьбы своей? Ведь нельзя не увлечься этой стихией, невозможно втиснуть её в сугубые филологические рамки, не стоит выверять строчки по ритмической линеечке, потому что речь – живая, пульс у неё – живой, и логика – собственная, пусть порой и угловатая, но ведь в этой угловатости и таится – жизнь!

*Как размашисто крут дирижёр!
Это шторма прекрасное престо –
Перелом, поворот-оверштаг, ляг запора,
распяливший дверь,
И надежда в глазах у щенка на концерте
для флейты с оркестром,
Что любовь нереально жива в черед
бесконечных потерь.*

*В океане земной суеты нас Вивальди выводит
из дрейфа —
Одиноким с рыжинкой старик, в нищете
скоротавший свой век.
Пусть поёт и вибрирует в такт вместе с сердцем
чудесная флейта
Так, что хочется всё изменить,
и слезинки ползут из-под век.*

Русскому рассказчику равно дороги все поводы для душевного разговора, дабы скоротать – вечер ли, век... Вот печальный, но счастливо разрешившийся дорожный анекдот про случайный фингал от упавшего с полки баула:

*Непруха, братцы, одна не ходит:
Семь лет по зонам. Обидно. Больно.
Не крал, не дрался, ну, вытил, вроде, —
В двенадцать завтра сходить в Раздольном.
Там встретит Катя, а я побитый.
— Такое, — спросит, — твоё «с начала»?
Забился в угол несчастный мытарь.
Земля на рельсах состав качала,
<...>
Сейчас заметит позорный штемпель —
Фингал проклятый — пошлёт подальше.
Вороны лают про быль и небыль,
И в этом лае так много фальши.
Но встали рядом сосед с соседкой
И проводница, и полвагона.
Сказали, мол, чемоданы метко
Влетают в скулы — без лжи и гона,
Что ты в дороге не пил, не дрался...
И взгляд смягчился, стал тёплым, прежним.*

*С плаката рядом вам улыбался,
Нахохлив брови, геройский Брежнев.*

Но есть и другой, масштабный поэтический сюжет, где оренбургская святыня – Табынская икона Божьей Матери – проводит оренбуржцев через смуту Гражданской войны. Утрата и обретение – испытания, открывающие смысл русской жизни, в которой всегда спасает вера:

*Трижды с матушкой-Иконой
Обошли весь град вокруг:
Прекратились смерти. Стоны,
Вытер слёзы Оренбург...*

Но что такое вера? Ведь это то самое тайное, интуитивное знание о единстве и неразрывности мира, о его сквозных законах воздаяния и прощения. А в основе цельности – понимание, что человек един со своей землёй, кровно соединён с её историей, и чтобы ничего не забыть, истории нужно, рассказывая, проживать так, как будто они произошли не вчера или несколько веков назад, а так, как будто они живут всегда, здесь и сейчас.

Интересна технология создания фресок – со сквозным видением будущего сюжета, с волевой решимостью творца и азартом созидательного порыва – по сырой штукатурке, без возможности что-то подправить после... Но разве не так мы проживаем всю свою жизнь, без черновиков, набело? Разве не так рассказывает нам автор нашу собственную историю – дальнюю и недавнюю, говорит о своих собственных переживаниях и сомнениях?

Книга Виталия Молчанова «Фрески» объединяет очень разные стихи. Это разнообразие, тематическое

и формальное, эта плотность и порывистость метафор создают узнаваемый авторский язык, притягательный образ рассказчика, философа от жизни, от её непростых исторических и душевных коллизий. И, думается, время таких рассказчиков – сегодня и всегда, пока человеку интересен человек и Божий мир вокруг нас.

**Нина Ягодинцева,
Челябинск**

Россия

*Колёса жизни мчатся сквозь года
На скорости, непостижимой мозгом.
Моя Россия вечно молода –
Девчонка в сарафанчике неброском.*

*Беспечная наивность и печаль
В распахнутом навстречу синем взоре,
А на плечах кокетливая шаль –
Цветы и птицы в сказочном узоре.*

*Блестит нецелованной красой
Без украшений, парика и грима.
Всегда невеста с золотой косой,
Ты мной до гроба искренне любима!*

*Колёса жизни остановят бег,
И свечка в храме захлебнётся воском.
Одна Россия вечно лучше всех –
Девчонка в сарафанчике неброском.*

Посох тяжкий

Зосима¹

1

В котомке ветхой светится псалтырь,
Под посохом смиряется дорога.
Святых пещер хранитель – монастырь,
Построен паствой к вящей славе Бога.
Ласкают степь ладони сентября,
Парит орёл вдали крестом небесным,
И паутинки понесла заря
В скитанья по пределам бестелесным.
А странников толкнула в путь беда –
В крови – обида, жить невыносимо.
Гонимых и болящих – всех сюда
Призвал великий праведник Зосима
Молитвами спасать себя и мир,
К добру прийти, сокрытом в Божьей Вере.
Любой паломник, будь богат иль сир,
Заботой наделён был в равной мере.

2

Смерть не стучалась – смело в дом вошла,
Свеча погасла пред святой иконой.
Детишек пятерых, отца свела
На кладбище, в земли сырое лоно.
Хоть в петлю лезь, хоть волком ночью вой.
Казни себя, кори, теряя силы...
Захарий с поседевшей головой
Покинул дом и близкие могилы.
Былинный вострепнулся богатырь,
До срока спящий на сырту в кургане:
– Свято-Никольский будет монастырь
Построен! Заложу я первый камень!
Благословил Кронштадский Иоанн,
Перекрестил во сне святой Иона...
Теперь – Зосима я, наказ мне дан
Для Господа сложить подножье трона!

¹ Праведник земли оренбургской.

По капле наполняется сосуд,
 По прутику гнездо большое вьётся.
 Купцы дары на доброе несут,
 Колокола в бока целует солнце.
 Отстроили и церковь с алтарём,
 И братский корпус, пчельник с добрым садом,
 Колодезь, рукотворный водоём.
 Монашьям душам – райская услада.
 Молитвы полноводные текли
 За край степной во благо всей России...
 ... из преисподней аспиды земли
 В семнадцатом свои подняли выи
 И в хищных лапах стиснули страну,
 За веру во Христа людей карая.
 Монахов добрых бросили в тюрьму,
 Почил Зосима, зла хлебнув сверх края.

Повергли в прах обитель... Гнить на дне
 Иль оттолкнуться к воздуху и свету?
 Протянет длань Господь тебе и мне:
 – Спаситесь и спасайте всю планету!
 Как в неустройстве жить без Бога нам?!
 Мы веруем и будем верить в Бога!
 Пойдём к Святым пещерам строить храм –
 Котомки есть, и посохов премного.
 Спит в каждом русском чудо-богатырь,
 Таящийся в душе – степном кургане.
 Буди его – восстанет монастырь
 На берегу Самары в белом камне.
 И разнесётся колокольный звон
 Во все концы на крыльях серафима.
 Так завещал, ступая на амвон,
 Святой народный праведник Зосима!

Кандид¹

По степи рысцой не шаткой –
От людской беды к несчастью –
Скачет добрая лошадка
Оренбургской рыжей масти.
Впереди бугры увалов
И колки земли целинной,
Мимо важного Урала,
Замаравшись влажной глиной,
Сквозь сугробы, грязь, пылицу,
По жаре, дождю вдогонку...
Ксендз Кандид сухарик ищет,
Запустив ладонь в котомку.
Вот ржаной да с крупной солью
Дразнит карий глаз кобылий.
Так, мечту присыпав болью,
Заменяешь грёзы былью.

Разодрал сутану веткой –
Ткань висит ошмётком бурым,
Чуть прикрыта шляпой ветхой
Загорелая тонзура.
Милосердия взыскует
Обездоленным и нищим –
Ссылный пан живёт не всуе,
Строит храм на пепелище.
Чёрствый хлеб голодным слаще
Мягких пряников медовых.

Пан Кандид гостинцы тащит –
Короб снеди и обновы,
Пузырьки с микстурой горькой,
Ассигнаций мятых стопку...
К сухарю ржаному с солью
Тянет лошадь губы робко.

От села и до деревни,
От печалей к бедам лютым –
Укрепясь псалмом напевным,
Ксендз спешит на помощь людям.
Скачет добрая лошадка
Оренбургской рыжей масти,
Нищелюбец – не загадка,
Жить для ближних – это счастье.
Не удержишь цепью сердце –
Разомкнут замок тревоги,
Для Кандида иноверцев
Не бывает средь убогих.
«Ещё сухарик, и поедем», –
Ободрит кобылу словом.
Сам, как мышь в костёле, беден
Всадник воинства Христова.

¹ Имя ксендза Кандида Зеленко окутано сакральным ореолом мученичества за Христа и бескорыстного служения бедному люду Оренбуржья.

Чёрная берёза

1

Сбив облака-шатуны в белоснежную стаю,
В степь запустил пятерню разыгравшийся ветер,
К роще берёзовой грудью приник: «Засыпаю»,
Дар драгоценный в траву обронил – не заметил.

Семечко малое родичам в ноги упало:
«Смилуйтесь, матушки, дайте мне светлое место.
С ветром неделю летела и лесом, и палом,
Бабочкой лёгкой над всем Оренбургским уездом».

Слаб голосок – наклонились берёзы-сестрицы,
Вяхири стихли, сглотив, как росу, воркованья...
... Вяжет покров Богородица – щёлкают спицы,
В такт им черницы седой пред иконой метанья.

Петелька к петельке мира плетётся основа,
Вслед за поклоном поклон, и душе – облегченье.
Смерть на подходе, но жизнь зарождается снова
В семечке чёрной берёзы – чудесном твореньи.

2

Ножки поджал искривлённые сын под фуфайкой.
Мамка, слезливо: «Гостинцы сложила в корзину».
Доктор вздохнул, руки щёлоком вымыв над шайкой:
«Рад бы помочь да не в силах – просите Зосиму¹».

Вёрст девятнадцать тряслись по холмам на лошадке.
Раз девятнадцать молились, мечтая о чуде:
«Мальчик трёхлетний, с рожденья был
справный да гладкий,
Господи Боже, что дальше с ребёночком будет?..»

«Будет стоять!» – возгласила монашка Зосима,
И окропила ножонки святою водою...
Сила по Вере! Как семечко, ветром носимо,
Чудо Господне спустилось, восстав над бедою!

Мальчик пошёл... На Афоне он станет монахом,
Крест перламутровый – щедрый подарок черницы –
Век, не снимая, проносит под нижней рубахой.
...Чёрный росток вместе с белыми к небу стремится.

¹ Зосима Еннатская — русская православная Святая, преподобная.

Гроб кипарисовый – схимницы жёсткое ложе.
 Страждущим дни отдавала, а ночи – молитвам.
 Дар провидения – не оступиться поможет,
 Дар исцеления – с хворью успешная битва.

Властью гонимая, Божье несущая Слово,
 Близких утратив, для дальних открывшая душу,
 В чёрных одеждах, отрёкшись от шума мирского,
 Сердцем согрела озябших в духовную стужу.

«После кончины мою раскопают могилу –
 Золото станут искать по дурному навету.
 Значит, спаслась я... Как семечко, древо покину,
 В новый чертог полечу, ближе к горнему свету!»

Сбив облака-шатуны в белоснежную стаю,
 К чёрной берёзе спешит на свидание ветер:
 – Вспомнил Зосиму тогда я, шепнув: «Засыпаю»,
 В край оренбургский тебя перенёс и приветил.

Крупка

Св. Константину Сухову

... А над Кинелем ночка крупку несла в подоле,
 Не удержала в дланях краешек скользкий ситца...
 Если молитва чья-то прервана злою волей –
 Целой и невредимой к Богу она домчится.

Осень пошла на убыль – скорой зиме на прибыль
 Ровно покрыла тропки крупка в конце недели.
 – Батюшку отпустите! – Разве они смогли бы,
 Старенькие ладони тянущие к шинелям...

Прямо из храма взяли, били прикладом в спину,
 По серебристой крупке – волоком да на берег:
 «Кокнем – царём поедешь – выделим лошадину
 Вместе с телегой старой и не попросим денег».

День, с чёрной ночкой схожий, тучами небо застит.
 – Батюшку не губите! – Плач над рекой вселенский.
 Сон – большевистский морок – сгинь, заberi напасти!
 В храме оплыли свечи, тени легли на фрески.

На ноги встал священник, крупку сметая с рясы.
 – Что, Константине, больно? Что, Константине,
 страшно? –
 Щёлкнул курок взводимый... «Точите зря вы ляды,
 В Божьем чертоге стынут и питиё и брашно.

К деткам спешу на небо, ждут меня – не дождутся,
 В долгом служенье Богу – четверо на погосте...»
 Только солдатам стыдно, молча на крупке мнутяся.
 Сам комиссар усатый: «Цельтесь в попа! Не бойтесь!»

И, палачам прощая, глядя на Божье сито,
Сеявшее снежинки, принял он смерть героя.
Крупка не стала манной, кровью святой полита,
Белым лишь оградила место его покоя.

На берегу Кинеля, рядышком с иорданью
Песней молитва к Богу, словно на крыльях, мчится.
Ночь обернула крупку чёрной прохладной тканью –
Не удержала в дланях краешек скользкий ситца...

Сергий

Епископу Сергию (Никольскому)

Вырываясь из недр, свет лучился, борясь с темнотою.
Звёзды меркли пред ним...

Покраснел диск Луны золотой,
От обиды и боли дрожа в бесконечных рыданиях.
Место утренней казни сияло подземным огнём,
Будто воздух горел, освещая степной окоём,
Возвещая о власти безбожной ужасных деяньях...

... не разверзлась земля, возмущая от гнева миры,
Лишь потухший маяк встрепенулся на теле горы,
Слыша выстрелы вместе с вороньим раскатистым:

«Кар!»

Небо сонно ворочалось средь пелены облаков,
Трупы долго грузили, сажали в машины стрелков.
Спал Урал, и подёрнулась рябью случайной Сакмара.

Не дождутся латунные гильзы ребячьей руки –
Отпугнут капли крови... Пустых папирос мундштуки
И окурки слюнявые, вбитые в почву с притопом,
Лоскутки от одежд – всё зелёные скроют холсты,
Пуллей сбитую ветку и рваную ткань бересты
Смоют струи дождя, низвергаясь холодной потоком.

Нет Епископа с братией, словно бы не было их...
Ручейки пересохли, злой ветер вдруг сдулся и стих.
С наступлением ночи исторгла свет внешняя почва.
Это память проснулась и стала вопить в небеса:
«Боже, очи отверзи, яви на земле чудеса!..»
– Наш Епископ убит, – сообщила народная почта.

Свет проникнет в сердца, выгоняя сомненья и страх.
«На тебя я надеюсь» – так Сергию рёк Патриарх¹,
Посох тяжкий вручая – нелёгкую пастыря долю.
Кто посмеет стереть в книге жизни добра письмена?
Лютой смертью погибших не сгинут вовек имена,
Сутью мира оставшись – крутой человеческой солью!

По памяти вдоль...

¹ Патриарх Тихон

Стрекоза

Задёрнуты шторы. Закрыты глаза.
Предчувствие нави.
Над камнем замшелым кружит стрекоза.
Прогнать ли, оставить
Её в смутном сне? Он, похоже, и сам
Недолго продлится.
Послушные вызову, как по часам,
Являются лица
Из утренней дымки, размытой лучом,
Так зримо, бесспорно,
Как будто бы дверь отворили ключом
В мир жизни повторно
Родные до плача, до спазма души.
На пике страданья
Я прошлым, как током, внезапно прошит.
Гляжу в очертанья
Сквозь сжатые веки – закрыты глаза
Ладонями нави.
Зелёной искрой мельтешит стрекоза –
Преследует, давит
Почти невесомой своей четверной
Пульсацией крыльев.
Я руки тяну, прикоснуться б одной...
Рыдаю в бессилье.
Прижаться губами, хотя бы сказать,
Что мной не сказалось.
Я сердцем тянусь... Вот отец мой, вот мать.
Не тронула старость,
И смерть не мазнула ещё белизной

Любимые лица.
Над камнем замшелым кружит стрекозой,
Мережится, снится,
Висок сединой запорошила вмиг
Не зимняя замять –
Приходит, в обличье закутав свой лик,
Сыновняя память.

Сын

Летает пыль по закуточкам,
Свисает паутины клок.
Довольна мать – она с сыночком
Побелит завтра потолок,
И наведёт порядок в доме.
Приехал сын... Он рядом, тут.
Кукушка скрипнет в полудрёме:
«Часы не скоро заведут».
– Как долго я ждала, Олежка,
К стеклу прильнув горячим лбом.
Вокзал-то рядом, что за спешка,
Билеты выкупишь потом.
Ещё успеешь в путь обратный,
Сынок, подольше погости.
Рукавчик кацавейки ватной
Зачем-то скомкала в горсти.
И слёзы вымерзли в морозы,
Остатки выплеснув тепла.
В старинной вазе ветвь мимозы –
Соседка, видно, принесла.
– Не болен ли, сынок любимый,
Как внук, невестушка моя?
Вернул бы Бог частичку силы,
К тебе б слетала за моря.
Но ничего, теперь мы вместе,
Жаль только папы с нами нет...
... Кукушка дёрнулась на месте,
Когда сорвали шпингалет,
Вошли в квартиру тёти Лены –
Она лежала на полу
Совсем одна... Синели вены...

Лишь пыль комочками в углу,
И паутины клок небрежный
Свисал, как вымпел, с потолка.
– Каким, ты маленький, был нежным.
Как рвался к нам издалека...

Кошки

Виктору Фёдоровичу

По памяти вдоль, как по ровной дороге,
Неспешно бредут стариковские ноги,
И палочки стук раздаётся в ушах.
А рядышком кошки, голодные кошки,
В пакете – кастрюльки да чистые плошки,
Для каждой своя... В каше тёплой и щаж
Не густо обрезков колбасных и мяса –
Но пенсии мизер для среднего класса
Достаточен толк понимать в овощах.

Бездомным животным к чему разносолы?
Вот котик с бельмом на глазу, невесёлый,
Был изгнан во двор за увечье своё.
Старик сердобольный приветил страдальца,
И плошка с обедом нашла постояльца –
Завидует с голых ветвей вороньё.
Судьба человечья так схожа с кошачьей:
И нас выгоняют, и мы горько плачем,
Меня меха и шелка на рваньё.

Лет десять, день в день, не смотря на погоду,
Хвостатому нёс пропитанье народу
Седой человек, а потом перестал...
Ушёл навсегда, и теперь в райских кущах
Для Божьих котят варит кашу погуще
И щи, раз нектар по знакомству достал.
А здесь, на Земле, молодая соседка
Вдруг с плошками вышла в нарядных балетках,
В добро превращая презренный металл.

Колобок

Не кляни судьбу напрасно, городской рисуй лубок.
Помнишь сказку: утром ясным покатился Колобок
По дорожке из окошка, сквозь туман, и пыль, и дым.
Вились роем злые мошки надо лбом его крутым.
Надкусили в серединке, махом выели кусок –
К бабе с дедом на картинке возвратился Колобок.

Не высок, скорее низок, круглый, как ни посмотри.
У него волшебный список – деда три да бабки три.
Одному купить картошки, а другому – молока,
Третьей сахара немножко, манки, свёклы... В кулаках
Сжаты ручки от пакетов – крепок он и коренаст,
Весь в трудах зимой и летом, вам последнее отдаст.

Не откажет ни знакомым, ни соседям, ни друзьям.
Помощь близким – аксиома, помощь дальним видел сам.
Вечно крутятся собаки под ногами Колобка,
Бесприютным носит «наки»: корки, кости из кулька,
Сахарок всегда в карманах: «Подходи, собачий люд!»
Урезонит самых рьяных: «Слабым тоже есть дают!»

На судьбу пенять напрасно, если дырка в голове.
Так случилось: утром ясным, городской поверь молве,
Укатали санитары прямо в дурку Колобка,
Не теряя время даром, подлечить его слегка...
... Он вернулся, встрепенулся, обратился к списку дел!
Я, здоровый, сразу б сдулся, так бы в жизни не сумел.

Руслан

Из Уфы – в Оренбург, мимо загнанных в степь деревень.
Дует в щёлку сентябрь, запотевшее сушит стекло.
Пассажир я сегодня, водителя робкая тень,
Жму на «газ» по привычке. Для раннего утра светло.

Мы полночи в дороге, и камнем лежит разговор
На душе у меня, тайн чужих лучше вовсе не знать...
... Проезжая Шиханы – цепочку загадочных гор,
Над болотом судьбы замостили некрепкую гать.

Там трясина такая – ни вырваться, ни проскользнуть:
Рос в неполной семье, рядом с матерью был одинок.
Фары били дуплетом, неон расстрелянный путь
Падал нам под колёса, признался Руслан: «Я игрок.

С малолетства бушует в крови нездоровый азарт,
Взять удачу за бороду, кажется, очень легко,
И в тюрьме кантоваться пришлось из-за меченых карт,
Раз каталу избил – козырило, но в масть не легло.

Стал копейку свою зарабатывать честным трудом,
На машину скопил да и в частный подался извоз,
Мы с Людмилой, женой, переехали в собственный дом,
Только счастье опять полетело кошаре под хвост.

Игровой автомат – вот напасть, личный мой Черномор,
Не могу обойти ненасытную щель стороной,
Всё швыряю туда...» За цепочкой шихановских гор
Злой сентябрьский туман вдруг деревья покрыл сединой.

У судьбы на закорках трясину невзгод не пройти,
И жену не вернуть, и долгов не отдать ни рубля.
Надо жизнь изменить... На расстрелянном светом пути
Горизонт заалел – тормози, оторвись от руля,

На обочину выйди и грудью широкой вдохни
Воздух чистой степи, побеждающий дым городов.
Только ты и Господь, вы сегодня на трассе одни,
Я не в счёт, избавленья проси у Него от оков.

С Черномором расстанься, спасись в этой дивной глуши,
И Людмилу вернёшь, и родите вы сына и дочь!..
Мы остаток пути в Оренбург проводили в тиши,
Битым козырем пала в поля за шиханами ночь.

Женя

Показала осень зубы – зябко стала по утрам.
Первый месяц, самый глупый, предрекает зиму нам:
То дохнет морозом в лужи, то нырнёт за воротник,
Пыльный смерч в момент закружит... Так изменчив,

многолик

День сентябрьский с позолотой края солнца в рвани туч.
Шаркнут бабушкины боты по асфальту: «Хуч да хуч».

Невеличка, как сухарик, на сединах – капюшон,
А под курткой – словно шарик. Может быть,

такой фасон?

Нет, клубком свернулась Женя, крошка Женя,
той-терьер.

Плавно бабушки движенье, боты мерят длинный сквер,
Прижимает Женю к сердцу и бормочет на ходу:
«Нам, старушкам, надо греться, я сейчас домой пойду.

Погуляли, Женя, хватит, сокращаю моцион.

Пусть бумажки ветер катит, гонит мусор на газон».

Не хозяйка, а подруга, каждый раз один маршрут.

– Что-то слышать стала туго, ноги тоже не идут,

Не сдавайся быстро, Женя, нам с тобой вдвоём скрипеть...

...Туч неспешное круженье, осень красит листья в медь.

«Хуч да хуч», – шепнули боты и потопали в подъезд.

Бабушка нальёт компота, Женя каши ложку съест,

Включат древний телевизор и залягут на кровать.

До сентябрьских ли капризов, лишь бы утром

вместе встать...

Показала зубы осень – из Урала воду пьёт.

Бабье лето мы попросим, пусть скорее к ним придёт.

Зорька

– Зорька, жить бы да жить, не тужа,
Пить росу луговую с восходом...
В топкой памяти тонет душа
Рядового, не знавшего брода.

Лошадиная жизнь – не пустяк,
На войне бьются люди и кони.

– Зорька, Зоренька, рядом приляг,
Бок твой тёплый согреет ладони.

Помнишь, как жеребёнком смешным
Вслед за мамкой неслась по просёлку?
...Над болотом по-прежнему дым
Застит гать, как зимою позёмка.

Мрак сплошной – не увидишь ни зги.
Только Зоренька пятнышком рыжим
От контузии лечит мозги,
И бывшее становится ближе:

Пулемёта прерывистый стук,
Нарастающий грохот бомбёжки.
– Выручай же, каурая, вдруг
Смерть обгонят уставшие ножки!

В пристяжных то тяни, то вези.
Отступая, кормили поплоше...
Был он вынут из вязкой грязи,
И оставлена мёртвая лошадь.

Сберегла, заслонив от войны
Исхудавшим, израненным телом.

Отражение ржавой луны
Ряска с тиной впитали несмело.

Жизнь – к закату, война далека.
Тонешь в памяти топкой и горькой,
Но внезапно коснётся рука
Бока лошади: «Зоренька, Зорька».

Негоциант

Может с каждым случиться – тяжёлой рукой неудача
Тюкнет в темя разок, отключая тебя на года,
Чтоб, скатившийся вниз, ты дошёл до голодного плача
На обочине жизни, почти до петли, и тогда –
Как факир из цилиндра – умело, расчётливо, споро,
Из кармана судьбы вдруг достанет счастливый билет
Некто в тёмном пальто, в мятой шляпе коммивояжёра,
С перевёрнутым перстнем, скрывающим факсимиле.

Раскатаешь губу, взгляд надолго прилепишь к оправе
Ледяных кругляшков, запечатавших прорубь стекла:
«Валуны твоих бед измельчатся в спасительный гравий.
Ну, смелей, дурачок, мчись вперёд, закусив удила,
Выбивая копытом не искры снопами – монеты,
Ты теперь бизнесмен, получивший невиданный грант.
Я прошёл сто дорог, продавал по дешёвке советы,
Но нашёл, что искал», – и представился: «Негоциант».

Может с каждым случиться –
 бедром прикоснётся фортуна,
На колени запрыгнет и станет лизать языком,
Чтоб по лестнице вверх ты поднялся красиво, гламурно,
Обрастая полезными связями впрок, и потом –
Как факир из цилиндра – умело, расчётливо, споро,
Из кармана судьбы вдруг достав неоплаченный счёт,
Некто в тёмном пальто, в мятой шляпе коммивояжёра,
С перевёрнутым перстнем, нахмурясь, к тебе подойдёт:

«Ты весьма преуспел – вид вальяжный,
 шикарны обновки,
На широкую ногу торговля, хвалю за талант,
Но остался должок, подписать нужно капелькой кровки

Поскользнёшься на мокром, споткнёшься о сушь,
С края жизни слетая.
Между градом и степью – лишь скорбная глушь
И печаль вековая.
Старикам поясной я отвесил поклон,
А другой – животинке.
Солнце гладило тёплым весенним лучом
По зелёной спинке.

* * *

Громыкнул Господь кресалом – чертит молния зигзаг.
Солнце тучи красит алым, подаёт тревожный знак:
– Разбегайтесь, скоро ливень застучит по бубнам крыш!
Будет мокрым, кто невинен, виноватым – сушь да тишь.
Ветры дунули в гобои, вёл смычком по скрипкам лес.
Было трое, стало двое со штыком наперевес.

От искры Господней малой запылала в рост сосна.
Струи с неба хлещут валом, пишут в лужах письма.
Смысл их тайный не заметен – щёлк и нету пузырька.
С неба спрыгнул чёрный петел, продырявив облака,
Разметал посев на ниве и свалился среди лесин...
В бой шли двое, но счастливей оказался лишь один.

Отложил Господь кресало и наслал на землю сны.
Стоя спит боец над палом вековой былой сосны.
Отгремела брань лихая, мёртвых вынесли в овраг,
Нет ни выстрелов, ни грая, отступил коварный враг.
Друг убит, второй контужен и отправлен в лазарет.
Плюнул Бог с досады в лужу и смахнул звезду в кисет.

Бьёт кресало вскользь по нервам –
искры вновь над головой.
За Царя шёл в битву первый, а за Веру шёл второй,
За Отечество шёл третий – чудом воин уцелел,
Зоревой отважный петел для него побудку спел.
Семенит гроза по кругу, обновляя письма.
Бубен крыш гудит упруго... Виноватых – не вина.

Синдбад

Глаза вцепились в потолок.
Прожилками мясного студня
Пьют злобу трещин — чёрный сок
Рутинных заполошных будней.
Лень обездвижила корабль —
Кровать бессонницы Синдбада,
И не поднимет с пола таль
Тяжёлый якорь. Нет возврата
К безумству молодых морей.
Под парусами-простынями,
Как в морге — штиль. Теперь Борей
С другими пьянствует друзьями.
Ему бы распахнуть окно,
И дверь открыть: «Входи без стука».
Но страшно на родное дно
Впустить раскаркавшихся рухов,
Циклопов-дворников, шаги
Чужих скелетов в форме власти...
А в полушариях пески,
Пересыпаясь пеплом страсти,
Воспоминаньями текут,
Итожа, приближая к смерти:
«Синдбад был мореход и плут,
Но сел на мель и свыкся с этим».

Воронёнок

Он просто выпал ночью из гнезда,
Комочком перьев раздирая ветки...
Лиловая небесная мездра
Дождём сочилась, сукровицей редкой,
Прилипнув гематомой облаков
К ладошке остывающей вокзала.
А рядом, потревожив светляков,
Упавшего трава к груди прижала.
Сначала было страшно и темно:
Кричала мать, отец шумел крылами,
Пока, привычно вывернув руно,
Не прикоснулось утро рукавами,
Вернув тепло, спокойствие и свет.
Червяк исчез проворно в жёлтом клюве.
Семейный мигот порешил совет
Кормить поочерёдно, в карауле
Стоять, храня от алчущих клыков
И хищных лап, свою беднягу-детку.
Малышки с прилегающих дворов
Птенцу несли кто муху, кто конфетку.
Смеялся тихо городской вокзал,
От бликов шуря вычурные окна.
А день в одеждах солнечных дрожал
Над парком, развалившимся дремотно.
Когда комками ваты облака
Прижались к ранам алого востока,
Безжалостно тяжёлая нога
Птенца в крыло ударила жестоко,
И на глазах у стихшей мелюзги
Вторично поднялась, в траву втоптала...
... Стихали долго пьяные шаги.

Гудок электро-слёзно ныл с вокзала,
Вороны, страшно каркая на смерть,
С гнезда срывали прутики пелёнок.
Сердца детей заставил отвердеть
Комочек перьев – горе-воронёнок.

* * *

Жил-был старик, потом его не стало.
Он продавал на улице цветы –
Тюльпаны, что росли на даче старой.
Ценители неброской красоты
Их покупали, мелочи хватало.

Жил-был старик, потом его не стало.
Пуская дым сквозь желтые усы,
На ящике стелил он покрывало
Садился поудобней под кусты –
В тени жара не сильно доставала.

Жил-был старик, потом его не стало.
Крутил в кульки газетные листы –
Из каждого три стебелька торчало,
И три бутона в капельках росы
Издание «Труд» надежно укрывало.

Жил-был старик, потом его не стало.
Вблизи открылся павильон «Цветы»,
Там роз, нарциссов, орхидей – навалом,
Но нет тюльпанов под конец весны.
Ни сквера, ни кустов – как не бывало.

Ракообразное

Шёл солнечный дождь, пробиваясь по капле
Сквозь тучи планктона.
Клешнями толкали отшельники сакли
В час рачьего гона.
Усами касались друг друга брезгливо,
Сквозь зубы судача:
«Опять двадцать пять – не туды сунул рыло,
Икра где же рачья?»
Над ними кружились большие креветки
С повадками грифов,
Хитин обдирая об острые ветки
Коралловых рифов,
Лавируя чётко меж россыпей мидий,
Барахтаясь в тине,
Стрекал избегая на красочных нитях
Коварных актиний,
Икру поглощали, сдирая с багряных
Стеблей филофоры,
Что съесть не сумели – калечили рьяно,
И трупиков горы
Рачков нерождённых, на дне возвышались...
А в саклях рыдали:
– Накрой же креветок волос чёрной шалью,
Богиня-мать Кали!..
... Аз есмь старый краб – созерцатель, философ,
Известный учёный,
Трактат написавший о метаморфозах
В воде кипячёной,
К рассудку взываю: «Нажрались от пуза –
Не клейте напрасно!
Мы выходцы все из Морского Союза,
Все ракообразны».

* * *

Жизнь — виноград «шаны»¹ в лотке Али.
Ешь кисть за кистью или кайф продли,
По ягодке отщипывая скромно, —
На всё Аллаха воля — выйдет срок,
По голым доскам растечётся сок,
И косточки — несеянные зёрна —
К бортам прилипнут крошками греха.
Насыпь заварку в кипяток стиха,
Сменила норд моряна² — время шторма.
Вновь ящик открывающий Али
Манаты спрячет — местные рубли,
И вымолвит, философ поневоле:
«Надёжно ли привязан виноград?
Опять Гянджою стал Кировобад,
Но Низами там не родится боле
Писать персидской вязью смыслы слов.
В Ширин-армянку влюбится Хосров
И убежит с девчонкой в Подмоскowie.
Меджнун батрачит на отца Лейли,
А Искандер — боли, душа, боли —
Продул бои за землю малой кровью».
Торгуй, гардаш³, судьба твоя базар.
Как шахиншах⁴ пыхтящий самовар
Внесёт жена, потом чурек и сплетни
Она подаст и станет греть бозбаш⁵.
Ночь — в цвет «шаны», пора платить дашбаш⁶

¹ Сорт винограда.

² Ветер с моря.

³ Брат (*азерб.*)

⁴ Царь царей, монархический титул.

⁵ Суп из баранины (*азерб.*)

⁶ Взятка (*азерб.*)

И сетовать, что виноград последний,
Тот самый, что как жизнь в лотке Али.
Мы земляки, чужой родной земли —
Бакинской — поздно выросшие дети,
Пьём из армудов¹ память, а не чай.
Хоть век сиди, хоть два башкой качай,
Большой страны нет больше на планете.

¹ Грушевидные стаканы (*азерб.*)

Кечал Мамед¹

В день выходной, часу в девятом
Будил кечал Мамед соседей,
На торг сзывая диким криком:
«Эй, старый вещи покупаем!»,
Мешок прикрыв плащом помятым,
С лицом тяжёлым цвета меди,
В «аэродроме» — зубом цыкал,
Пугал дворняжку хриплым лаем:
— Опять пришёл, собак паршивый!
Он доставал заветный свёрток,
Вернее, косточки в газете
С названьем ёмким «Бакрабочий»,
И в предвкушении поживы
К нему тянулась Тюлька мордой,
Как за подачкой лезут дети.
Потом из тесных норок блочных
Жильцы тянулись с лишним скарбом:
Костюмы брючные, штиблеты,
Посуда, платья всех расцветок
В мешке бездонном исчезали.
Светильник с допотопной лампой,
Приёмник «Горизонт» и пледы,
И рамки в кружевах виньеток,
И шляпки дамские с вуалью —
Всё шло по кругу за рублёвку,
Чтоб жили вещи новой жизнью,
И чтоб, избавившись от хлама,
Вздохнули радостно соседи.
Старьёвщик нёс на барахолку,
Спеша всю успеть к открытию,

¹ Кечал — лысый (*азерб.*)

Все наши прожитые драмы
С лицом тяжёлым цвета меди.
Весна в Баку прокралась ночью,
И, как заправская мещанка,
Решила в новое одеться
С присущим ей столичным форсом.
Пусть разорвут потомки в клочья
Мои труды — ничуть не жалко
Писать с начала в ритме сердца.
Кечал Мамед, восстав с погоста,
В день выходной, часу в девятом
Опять разбудит: «Старый вещи!»,
Достанет косточки в газете
С названьем ёмким «Бакрабочий»
Для правнучки погибшей Тюльки.
Хлебнув чайку с душистой мятой,
К нему я выйду, суңу в клешни
Черновики... Но рубль мне медью
Мамед не даст — отпрянет прочь он
Сквозь годы, судьбы, переулки.

Девичья башня

Помню, ведомый отцовской рукой, — где та рука —
Шёл я по лестнице вверх винтовой мять облака,
Скатывать в комья ребячьей мечты небо, как снег.
Звёзды свои занимали посты, чуя набег
Тьмы, пожирающей солнечный диск. В эти часы
Вспыхивал факел — сонм пляшущих искр Гыз галасы¹.

Гид говорила: «Легенда живёт в башне, пока
Ветер усталую плоть не сгрызёт известняка.
Три багадура, три стража ночных — брата-огня,
Бьют кулаками порывам под дых, камень храня.
Пламя трилистник — то ярче и злей, то на боку.
Город ветров или город огней — кто ты, Баку?

Жить с нелюбимым иль вовсе не жить — выбор суров.
Детские годы так трудно избыть бросившим кров.
Пери несчастной предсмертный полёт к плахе волны,
Словно исход предо мной предстаёт из глубины.
Родина — мачеха?.. Родина — мать?.. Дайте весы,
Чтобы в снегах смог я взвесить, объять Гыз Галасы.

Помню, ведомый отцовской рукой — где та рука —
Шёл я по лестнице вверх винтовой мять облака.

¹ Девичья башня (азерб.)

Герой

Окна туго забиты мешками с песком.
Прекратился обстрел. На больничной постели
Умер воин от ран, крестик сжав со шнурком –
Тополя вдруг за тысячу вёрст зашумели.
Там в отдельной палате, в родном городке
Одноклассник солдата простился со светом
От удара ножом в дорогом кабаке,
Не оставив потомства отцу-мироеду.
Врач сказал медсестре: «Парню – вечный покой.
До последнего дрался, отход прикрывая».
А в России хирург покачал головой:
«Кто стоит на краю, тот и скатится с края...»

...не привык мой герой тень бросать на плетень,
Плутовать и просчитывать в бизнесе риски.
Пусть в плечах у него не косяя сажень,
Да и рост выше среднего, не богатырский.
Просто парень рабочий. В толковых руках
Славно спорилось дело, он в армии тоже
Отслужил год за совесть свою, не за страх,
И женился на девушке чуть помоложе.
Нелегко было им жизнь наладить с нуля,
Честный хлеб трудовой запивая водою.
В дни рожденья детей посадил тополя
У подъезда под самой счастливой звездой.

Одноклассник его – сын банкира, мажор –
Усмехался, жируя на папины деньги:
– Что деревья? Купи заграничный мотор
Или жёнке на уши с бриллиантами серьги!
Взял бы в банке у нас долгосрочный кредит
И махнул всей семьёй отдохнуть на Канары...

– Кабала долговая мне с детства претит,
Не даются кредиты народу задаром.
– Ну и ладно, плоды, дуралей, нищету, –
Газанул, оставляя шлейф дыма вонючий.
Доставалась герою копейка в поту,
Не привыкшему верить в сомнительный случай.

Да пребудут в России герои всегда,
Незаметные глазу в людской круговерти!
Если отчую землю постигнет беда,
Встанут крепким щитом перед лютою смертью.
Сильных духом и смелых в России не счесть:
Может быть, каждый сотый, десятый, девятый.
И в Донецк защищать грудью русскую честь
Полетел мой герой в телогрейке из ваты.
Птицы смотрят в окошко с раскидистых крон.
Тихо падает пух, разносимый ветрами.
У войны необъявленной строгий закон –
Добровольцев своими не звать именами...

Ростовую скульптуру на чёрной плите
Моет сторож кладбищенский, мзду предвкушая.
С горя запил банкир и вопит в пустоте:
– Для кого же копил, для кого же дышал я!
Для кого повторял: «Правда только в деньгах!
Мы хозяева мира, все прочие лохи...»
Одиночество жизни, бессилие, страх –
Злые спутники жертвы на сломе эпохи.
И забвение – жалкий удел старика,
Позабывшего совесть, мощну набивая.
Не коснётся ребячьей головки рука.
«Кто стоит на краю, тот и скатится с края...»

На могиле другой – обелиск со звездой,
Незабудки растут, стол, скамейка, ограда.

Два сына – крепких тополя – вместе с вдовой
Поминают отца – работягу, солдата
И героя, презревшего сонный уют
Ради счастья людей с нашей русской кровью.
– Скоро в доме внучата твои заснут,
Первоцветы тебе принесут к изголовью.
Будешь в памяти вечно потомков своих,
Зашумит у крыльца тополиная роща...
У России с героем судьба на двоих –
Жизнь во имя добра чище, лучше и проще!

Русские

ПОЭМА

Память – копилка из прошлого,
 С горлышком узким бутыль,
 Звякнет монеткой подброшенной –
 Сразу припомнится быть...
 ... Вдаль поездами недалёкими,
 Вглубь от неглупых столиц,
 Мимо избёнок со ставнями
 Стаек резвящихся птиц,
 Где самобранками полюшки
 С цепью дерев по кайме.
 Русская вольная волюшка,
 Льнула раздольем ко мне.
 Вздохи случайной попутчицы,
 С чаем вприхлёб разговор:
 – Ночку в купе бы отмучиться...
 С горки да вновь на бугор...
 Книжка занятая? «Русские»? –
 С краешка сдвинула снедь,
 Пряди пригладила русые:
 – Можно её посмотреть?..
 – Что ж, посмотрите, пожалуйста,
 Если по нраву стихи...
 Двадцать последнего августа,
 Осени близкой штрихи,
 В окнах вагонных заметные:
 Стёкла в потёках дождя,
 Небо ознобное, бледное,
 Тучи легко бороздят,
 В каплях кармина черёмушки
 Скромный украсили сквер...
 Звякнет монетка на доньшке
 С надписью «СССР».

Мама из ложечки пичкает:
 «Кушай, сыночек, не плачь».
 Ёкнет за грудное, личное...
 Ветер подхватит кумач,
 Шумно расплещет по площади,
 Тысяч коснётся голов.
 Ленточки в гриве у лошади,
 Варится праздничный плов.
 Первое мая неистово
 Бьётся в сердцах и речах.
 Волны бушуют у пристани,
 Я на отцовских плечах.
 Тень от чинары прохладная,
 Стол в чайхане на двоих,
 Чайка взлетает и падает
 В пену накатов морских.
 Близкая и незнакомая
 С русской мешается речь.
 Время советское, дома я,
 Рядом с церквушкой – мечеть.
 Разные виделись равными,
 Равные – братьев родней.
 Смуглая девушка славная
 Стала подругой моей.
 В дворике школьном, неспиленный,
 Помнит столетний инжир
 Наш поцелуй... Обескрылено
 Всё, чем тогда дорожил.
 Национальностью гордая,
 Яростна и слепа,
 С кровью облитыми мордами
 Ближних терзала толпа.

Станций столбцы перелистаны,
 Долгий – с главу – перегон.
 Рельсы, бубнящие истины,
 Трубный гудок, словно стон:
 «Не отвечай на недоброе,
 Надо учиться прощать...»
 В паспорте – свёрнутой коброю
 Беженца злая печать.
 Хочет ужалить да некуда,
 Смутной душе всё равно –
 К смерти обрядится рекрутом
 В саванное полотно,
 В яму падёт эмиграции
 Тлеть среди чужих языков,
 Или клыками заклацает,
 Плоти алкая врагов...
 ... В узкое горло бутылочки
 Втиснулся медный алтын.
 К русскому – русский на выручку,
 Чтоб содрогнулся Батый,
 Вскрикнула мать поседелая,
 Чёрный отбросила плат...
 Скачет с рязанцами смелыми
 Вечно живой Коловрат.
 Гении Жуков с Кутузовым,
 Князь благоверный Донской
 Подняли рати союзные
 Снова на праведный бой!
 Мифы о дружбе развенчаны.
 Наши гонители – тли,
 Вместе с Беспалым и Меченым
 Сброшены с лика земли.

Повесть о нас пишет небушко –
 В облачной папке хранит.
 Спрятала книжку соседushка,
 Чтоб не бросалось на вид,
 Взгляд раздражая, название
 «Русские» – мол, ни к чему:
 Мы россиян рассыпание,
 Нам лишь суму да тюрьму.
 Сколько кровей перемешано,
 Стали не всем, а ничем...
 Глупая, бедная женщина –
 Жертва крушенья систем...
 С «Банком России» в бутылочку
 Брошу блестящий кругляш.
 Русскому ль жить в половиночку,
 Жадно вцепившись в багаж?
 Только вперёд! Смыты горести
 Напрочь Святою водой,
 Жизнь – как поездка на поезде
 К станции Вечный Покой.
 Полки все заняты узкие –
 Снизу, сверху, по бокам.
 Мир защищать едут русские,
 Полный трагедий и драм.
 Хлебом делиться с голодными,
 Страждущим раны лечить,
 Степи засеять безводные...
 Не почивать на печи!
 Выстроить вместе неломкую
 Русь до конца всех веков,
 Вспомниться добрым потомками
 В строках нетленных стихов!

К вечеру вдруг распогодилось –
Лета прощальный аванс.
Милая женщина, Родина
Очень похожа на Вас.
Цвета пшеничного волосы,
Очи – во ржи васильки,
Только о детушках помыслы –
Блудные так далеки.
В Штатах, в Европе и в Азии
Ищут они барыши.
«Бедных сманили да сглазили», –
Крик материнской души:
– Вдруг Миссисипи, не Волга им
Станет всех речек родней?..
Будут холодными, горькими
Слёзы осенних дождей.
«Русские дали бескрайние,
Русскую ширь не объять.
К отчей земле бы старания
Вам приложить», – молит Мать,
Чтоб впереди остановочка
ВЕЧНОЮ СЛАВОЙ звалась,
Не порвалась, как тесёмочка,
С Родиной кровная связь,
Где самобранками полюшки
С цепью дерев по кайме,
И наслаждаюсь я волюшкой,
Льнущей раздольем ко мне,
В каплях кармина черёмушки
Между склонившихся верб...
Там, где в копилке на донышке
С молотом встретился серп.

Донецк

ПОЭМА

Земля – корабль!
Сергей Есенин

1

Ныряешь в сон, выныриваешь в явь.
Мы по шоссе-реке несёмся вплавь,
На «Шевроле» штурмуя расстоянье,
Земные мили вспенив за кормой.
Новоазовск объят вечерней тьмой,
За долгий день он вымотался крайне.

Таможня из окна глотает пыль,
К автомобилю льнёт автомобиль,
Полощет стяг осенний дымный ветер:
Там уголь чёрен, кровь на нём красна
Под синью неба... «Нет, не допоздна.
Досмотрим быстро», – прапор нам ответил.

Получены обратно паспорта,
Шофёр смеётся басом: «От винта!» –
Рубаха-парень с выучкой шахтёрской.
В Донецк, на полуостров ДНР
«Лачетти» правит на лихой манер,
И семечки мне сыплет полной горсткой.

2

До фронта километров двадцать пять,
Здесь о войне не любят вспоминать,
И так она пылает в каждом слове,
В поступке, взгляде, жесте и судьбе.
– В пятнадцатом вернулись мы к себе,
Считай, весь год промаявшись в Ростове...

Плывём в Донецк сквозь шхеры блокпостов:
Погашен свет, порядок здесь таков –
Без фар включённых проходить проверку.
«Случалось, дальний врубят, и – огонь, –
Перевернул водитель наш ладонь:
«Мы, словно карпы, сразу пузом кверху».

Не льётся водопадом разговор.
Вопрос – ответ. С низины – на бугор.
Мелькают на обочинах лисицы.
– Зверья полно, но есть большое «но» –
Охотиться в войну запрещено.
Подумают, что враг сумел пробиться.

Пейзаж донецкий с оренбургским схож.
 Всё степь да степь... А тракт похож на нож,
 Нацеленный Донецку прямо в сердце.
 – Враг был отброшен, сломлен, не разбит.
 Окраины трясёт, и центр дрожит, –
 Вдавил педаль шофёр тяжёлым берцем.

Прекрасный город миллиона роз,
 В край терриконов корневищем врос,
 С Вождём одно носивший прежде имя,
 Вновь по тебе стреляет подлый тать –
 По школам бьёт, не в силах дух сломать...
 Стерев слезу, прощаешься с родными.

Поверь, Донецк, Россия за спиной.
 Ребёнок узнаёт снаряда вой:
 – То ж мина, дядя. Видишь – пролетела?
 Ныряешь в сон, выныриваешь в явь:
 «Спасибо, брат, к причалу катер правь.
 Час комендантский нарушать не дело».

Стреляя в брата, попадёшь в себя.
 Дырявый чёлн хлебнёт воды, скрипя
 В последний раз над бурною стремниной.
 – Без Авеля скитаюсь, не живу,
 Рассудку вопреки его зову,
 Над бездною склонившись – Украиной.

Распахнуто в гостинице окно,
 Мы смотрим невесёлое кино –
 Трамвай последний проутюжил рельсы,
 На улице вечерней – ни души.
 Не спит Донецк, живущий не по лжи,
 Но под прицелом ВСУ и прессы.

Слова скупые сводок ДНР,
 И голубой экран вдруг посерел:
 Взмахнула смерть зазубренной косою,
 Разрезав нити норн, впуская стынь.
 Сражен отец и брат, супруг и сын
 В квартале мирном, дочь прикрыв собою.

Кровь с рук убийцы временем не смыть.
 Газетчиков свидомых тщетна прыть,
 Запрыгала на месте пропаганда,
 Когда сказали: «Кокорев-полкаш
 (Дончане – вот губитель гнусный ваш!)
 Отдал приказ, и залпом била банда...

«Земля – корабль!» Есенин, как ты прав!
 В ковчеге общем, жалкий скарб собрав,
 Плечом к плечу, кто к смерти, кто в бессмертье,
 Пльвём сквозь галактическую тьму,
 Несущие корону и суму
 В житейской повседневной круговерти.

Да не померкнет в мире Русский свет!
 В годину фронтовую шёл балет
 На славной сцене в Оперном донецком.
 Как много было радостных минут –
 По морю плыл на родину Пер Гюнт,
 И нам бы так уплыть в мечтанье детском.

«Мой дядя», – говорил мне местный гид, –
 «В Сургуте жил – не клят, не мят, не бит.
 В нефтянке заработал состоянье.
 Построил в Запорожье новый дом,
 Машинку приобрёл себе потом,
 И денежку скопил на пропитанье.

Нам с мамой не подкинув ни рубля,
 Звонит частенько: «Скинуть с корабля
 Давно всех вас пора, сепаратисты,
 И Украина дальше поплывёт!..»
 Записан в «Правый сектор» идиот
 И числится одним из активистов».

Им с Кокоревым, видно, по пути...
 Брёл Каин грешный – гневно «Уходи!»
 Кричали люди и бросали камни.
 Стреляя в брата, попадёшь в себя,
 Родную кровь несправедно губя.
 Срок злодеяньям не бывает давним.

Пусть розы, прорастая, рвут снаряд!
 Четыре скорби выстроились в ряд,
 Взывая к небу чёрным криком бронзы.
 Погибшим – память, а живым – урок.
 Остановись, не нажимай курок
 По злобной воле западного бонзы.

В музее – залы новые войны.
 Заблудших души в лапах сатаны
 Дрожат от страха и харкают ядом.
 Летит в Донецк пылающий свинец.
 Мать, всю в слезах, прижмёт к себе отец:
 – Сынок наш пал на поле битвы с адом.

Библиотекарь – юная вдова,
 Находит сокровенные слова:
 «Приехала к родне да и осталась.
 Я здесь нужней, война ж не навсегда,
 Вновь расцветут в Донбассе города,
 Осталось подождать всего лишь малость».

В Макеевке читающей стихи
 Готов простить огрехи, не грехи –
 Неточность рифм и ритма спотыкачи.
 В четырнадцатом начала писать –
 И горем переполнилась тетрадь,
 Такая, что не плачущий заплачет.

К ней Муза приходила между дел,
 Когда закончен вражеский обстрел
 И раненые помощь получили.
 Харону медный уплатив обол,
 Садилась медсестра за шаткий стол
 День превращать в рифмованные были.

Бушует Украины водоём –
 Майдан, скандал, коррупция, погром.
 Неправедные праведными правят.
 Лишь доллары иудины в глазах,
 Пора прикрыть от срама образа...
 В Донецке снова сталь в мартенах плавят.

Я в Оренбург вернусь не налегке.
 Слова друзей на русском языке –
 Стихи и прозу – соберу в дорогу.
 Флаг чёрно-сине-красный и значок
 С орлом двуглавым – в сумку на бочок,
 И можно в путь обратный, слава Богу.

Опять плывёт по трассе «Шевроле»,
 А мысли о растерзанной земле
 Тревожат душу, беспокоят сердце:
 Одна страна, один родной народ
 В прицеле вражьем скоро пятый год.
 Откройте дверь, раз отворили сенцы!

В Россию из России – только вслух!
 Земля – корабль, и мощный русский дух –
 Бессменный кормчий яростной планеты.
 Пусть розы, прорастая, рвут снаряд,
 Враги в костре истории сгорают,
 И мой Донецк пожнёт свои букеты!

<i>Рассказать историю</i>	5
<i>Россия</i>	13

Посох тяжкий

Зосима.....	16
Максим	20
Кандид.....	22
Чёрная берёза	24
Крупка.....	27
Сергий.....	29

По памяти вдоль...

Стрекоза	32
Сын.....	34
Кошки.....	36
Колобок	37
Половинки.....	38
Руслан	40
Женя.....	42
Зорька.....	43
Негоциант	45
Ящерка.....	47
«Громыхнул Господь кресалом – чертит молния зигза...».....	49
Синдбад	50
Воронёнок.....	51
«Жил-был старик, потом его не стало...»	53
Ракообразное	54
«Жизнь – виноград «шаны» в лотке Али...»	55
Кечал Мамед	57
Девичья башня	59
Герой.....	60
Русские. <i>Поэма</i>	63
Донецк. <i>Поэма</i>	69

Литературно-художественное издание

Виталий Молчанов

СВЕТЪ

стихотворения

Редактор —

Корректор —

Верстка — *Дирижаблев А.Б.*

Подписано в печать __.2017. Формат

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл. печ. л. _ Тираж экз.

Заказ №

ИПО «У Никитских ворот»

121069, г. Москва,

ул. Большая Никитская, д. 50/5,

тел.: (495) 690-67-19

www.uniki.ru

Виталий Митрофанович Молчанов – поэт, председатель Оренбургского регионального отделения «Союза российских писателей», директор Областного Дома литераторов им С.Т. Аксакова.

Лауреат премии Губернатора Оренбургской области «Оренбургская лира», Региональной премии им. П.И. Рычкова, премии им. С.Т. Аксакова, Спец. премии Международной Волошинской премии, Всероссийской премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка, Международного конкурса на соискание премии им. А. И. Куприна, премии журнала «Дети Ра», лауреат международного фестиваля литературы и искусства «Славянские традиции», финалист премии «Золотой Дельвиг» 2015 г., лауреат малой международной литературной премии «Серебряный стрелец», победитель IV международного поэтического конкурса имени С.И. Петрова, призёр всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира», дипломант V международного конкурса памяти Владимира Добина, победитель литконкурса интернет-журнала «Лексикон» (Чикаго), победитель литературного конкурса фестиваля «Гоголь-фэнтези» (Украина), обладатель звания «Стильное перо» по результатам литературного конкурса фестиваля «Русский стиль – 2009» (ФРГ) и т.д.

Публиковался в «Литературной газете», в «Независимой газете (Экслибрис)», в журнале «Дети Ра», в журнале «Зинзивер», в журнале «День и ночь», в журнале «Prosōdia», в журнале «Футурум АРТ», в журнале «Южное Сияние», в журнале «Огни Кузбасса», в лит. газете «Зарубежные задворки», в альманахах «45 параллель», «Лёд и пламень», «Паровозъ», «ЛитЭра» (Москва), «Земляки» (Нижегород), еженедельнике «Обзор» («Континент», Чикаго), в журнале «Русское литературное эхо» (Израиль), в альманахах «День Поэзии», «Московский Год Поэзии», «Башня» Оренбургского отделения «Союза российских писателей», «Гостинный двор» (Оренбург), в антологии «Поэтический Атлас России», публикация в газетах «Оренбургская неделя», «Южный Урал», в газете «Истоки» (Уфа), публикация в газете «На Юго-Восточных рубежах (Челябинск), «Литературная гостиная» (Тверь), в газете «Молодой Дальневосточник» (Владивосток), в альманахе «Чаша круговая» (Екатеринбург) и т.д.

Автор пяти сборников стихотворений.